

Е.А. Самарская

Наука как фактор организации масс: к истории вопроса

Вопрос о науке как факторе организации масс, естественно, связан с феноменом массового индустриального общества. До появления последнего основная масса населения была занята сельскохозяйственным трудом, жила в деревнях, подчиняясь традиционному укладу жизни. Развитие промышленного производства вызвало рост городского населения, в котором самый многочисленный слой представлял пролетариат. Это было скопление людей, оторванных от деревенских корней, обладавших уже более широким кругозором, чем у крестьян, знакомых с техникой и к тому же начинавших постепенно осознавать, особенно под влиянием социалистов, свою социальную и политическую силу. Можно сказать, что наука (техника) способствовала формированию городской массы населения опосредованно, через промышленное производство. Но есть и другая сторона дела. «Массу» еще надо было организовать, организовать ее труд и быт, вписать ее в социальные и политические структуры общества. И тут на сцену выходят социальные науки: политическая экономия, социология, науки о государственном управлении. В самом их появлении в XVIII–XIX вв. мы можем видеть подтверждение факта ускоренной рационализации общественной жизни. Конечно, импульс движения исходил не от них, это был стихийный процесс, социальные науки лишь раскрывали законы всесторонней рационализации общественной жизни и предлагали проекты по ее усовершенствованию.

В этой связи на память прежде всего приходит имя М.Вебера, который зафиксировал растущую рационализацию общественных процессов. Но он был далеко не единственным: можно сослать-

ся, например, на его современника Ж.Сореля, который дал анализ форм объективированного разума в истории. В качестве таковых он называл фабрику, рынок, демократию, отмечая их ориентацию на количественные отношения в обществе, на их абстрактный характер, оторванность от качественных форм жизни. Он писал, что рынок подобен парламенту: если в последнем конкретные мнения исчезают, будучи растворены в безличной общей воле, то на рынке различные товары идентифицируются соответственно абстрактной меновой стоимости. Интересно, что, давая апологию труда рабочих, Сорель рассматривал фабрику также как *социальную* абстракцию: на фабрике стираются качественные особенности разных видов труда, и в результате рабочие предстают как «атомы среднего качества», в отношении которых уместен лишь количественный анализ. Фабрике он противопоставлял сельское хозяйство как область «качественного труда», «биологического производства», «которое представляет крайнее разнообразие и не поддается никакому общему закону»¹. Аналогом сельского труда он готов был считать и труд рабочих, если только он имеет не механический, а творческий характер. Он критиковал Маркса за то, что тот, разработав теорию трудовой стоимости, стал рассматривать труд как нечто усредненное, выразил рыночный подход к труду, сказав, что каждый должен получать вознаграждение соответственно количеству затраченного труда.

Сорель хотел ограничить экспансию рационального, распространение его на общественную жизнь, он желал придать более высокое значение качественным ценностям. Нечто подобное видим мы и у М.Вебера, хотя его рассуждения о «рационализации» встроены в совершенно иной философско-политический контекст. Вебер одним из первых обратил серьезное внимание на сознательно осуществляемую организацию общества или, по его терминологии, «рационализацию». Ее как таковую он считал особенностью западной культуры, отмечая, что ею пронизаны все стороны общественной жизни: наука, право, искусство, архитектура, а главное, государственное управление, управление на производстве и т. д. Он видел в ней процесс длительный, растянувшийся на века и одновременный для разных сфер общества: неверно, например, считать ее просто следствием формирования рационалистической философии Просвещения. Можно выделить ряд особенностей ра-

ционализации социальных отношений по Веберу. Прежде всего этот процесс представлялся ему как систематизация рациональных правил и установлений. Именно на Западе сформировалась наука как система, только Западу Нового времени стала известна систематическая и притом профессиональная научная деятельность. Если не ограничиваться духовными сферами, а иметь в виду практику, то здесь рационализация общественной жизни олицетворяется фигурой чиновника, сосредоточившего в своих руках все управление. Чиновники известны всем культурам, но нигде, кроме Запада, нет «полной зависимости всей жизни, всех ее политических, технических и экономических предпосылок от *организации* профессионально подготовленных чиновников, подчинения всего человеческого существования технически, коммерчески и прежде всего *юридически* образованным государственным чиновникам, которые являются носителями основных повседневных функций социальной жизни...»². Государство как рациональный институт известно только Западу, то же относится к производству: стремление к наживе существовало во все времена и во всех регионах мира, а капитализм как систематизация прибыли путем непрерывно действующего капиталистического предприятия появился на Западе.

Важный аспект рационализации в веберовском толковании заключен в том, что она как бы противостоит живому, подавляет «жизнь», так видоизменяя правила человеческого поведения, чтобы дать расцвести «делу»; благодаря ей «человек существует для дела, а не дело для человека»³. Смысл рационального как антитезы живому Вебер отлично продемонстрировал, показав превращение христианской аскезы в мирскую через посредничество протестантизма. Благодаря распространению протестантизма «христианская аскеза, устремившаяся вначале из мирской жизни в затворничество, уже в стенах монастыря господствовала в лице церкви над миром. При этом, однако, она не посягала на естественные, непосредственные черты мирской повседневной жизни. Теперь же она вышла на житейское торжище, захлопнула за собой монастырские ворота и стала насыщать мирскую *повседневную* жизнь своей методикой, преобразуя ее в рациональную жизнь *в миру*, но *не от* мира сего и *не для* мира сего...»⁴ Переселившись в мирскую жизнь, религиозная аскеза способствовала формированию громадного кос-

моса современного хозяйства, связанного с механическим машинным производством, в который вовлекается и в котором принуждается к производственной дисциплине каждый человек.

Главный смысл рационализации, по Веберу, состоит в том, что она указывает на встроенность общества в деятельность индивидов, которая благодаря этому имеет «общностно» ориентированный характер. Согласно Веберу, общественные ориентиры присутствуют в действии индивида в форме совокупности рациональных установлений, существующих в государстве, церкви и в других коллективных объединениях. Предназначение этих рациональных установлений – служить рамкой для действий каждого члена коллективных образований, в силу чего они, например, государство, насильственно навязывают своим членам определенный тип поведения. Чем многочисленнее и многообразнее сферы, на которые индивид рационально ориентирует свое поведение, тем выше «рациональная организация общества». Согласно Веберу, в ходе европейской истории возрастал удельный вес действий, основанных на рациональных установлениях.

А между тем в понимающей социологии Вебера роль индивида в плане его отношений с общественными институтами далеко не нивелирована. В работе «О некоторых категориях понимающей социологии» Вебер подчеркивает, что «рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как «“атом”»⁵. Индивид – носитель осмысленного поведения, поэтому коллективные действия союзов, общностей, государств приобретают форму определенных видов совместной деятельности, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к «понятному поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности индивидуальных лиц»⁶. В другом месте Вебер, говоря о действиях государств, акционерных обществ, пишет, что рассматривает их просто как «процессы и связи специфического поведения отдельных людей»⁷.

Уверенность Вебера в том, что индивид как носитель смысла первичен в отношении общественных объединений, поражает несоразмерностью сравниваемых явлений. Действительность рационализированных обществ убеждает скорее в обратном – в том, что индивиды вынуждены постоянно приспосабливаться к правилам общественных институтов, часто не понимая их при-

роды и назначения. Сам Вебер замечает в этой связи: «Прогресс в области дифференциации и рационализации общества означает, что в конечном итоге обычно (хотя и не без исключений) те, кого рациональные методы и порядки практически касаются, все больше отдаляются от их рациональной основы, которая в целом от них более скрыта, чем смысл магических процедур, совершаемых колдуном, от дикаря»⁸. Допустим, что в данном случае речь идет о рядовых людях, которые выступают пассивными объектами манипуляций со стороны крупных общественных образований и просто не вникают, не обязаны вникать в последний смысл тяготеющих над ними формализованных правил и процедур. Но дело не только в непонимании, история XX в. демонстрирует такие феномены, как фашистские государства, сталинское государство, смысл политической практики которых просто превосходит возможности понимания со стороны большинства людей, даже задействованных в таких государственных механизмах. Более того, в тот же исторический период происходили политические и социальные процессы, которые просто не мог понять и предвидеть никто. Например, российская социалистическая революция 1917 года имела целью создание социалистического общества, а в результате колоссальных усилий народа образовался СССР, тоталитарное бюрократическое государство. Допустимо отчасти отнести произошедшее за счет того, что правящая партия большевиков сознательно приспособлялась к обстоятельствам, чтобы удержаться у власти. Но все ли можно этим объяснить? Не свидетельство ли это того, что история смеется над людьми, подсовывая им такие результаты их общественных начинаний, которых они и предположить не могли? Поневоле приходится вспомнить о марксистско-гегелевской идее отчуждения, согласно которой результаты общественных начинаний обретают в конечном итоге смысл, противоположный предполагавшемуся.

Вебер тяготел к инструменталистскому пониманию рационального, но в тот же исторический период в Европе широко распространился иной подход к вопросам общественной рационализации и организации, где был задействован не инструменталистский, а спекулятивный подход к ним. Имеются в виду марксовы представления о рациональном характере человеческой истории, в которых можно выделить два аспекта. Во-первых, Маркс в своей

политической экономии исследует абстрактный мир рыночных отношений, противопоставляя им коммунизм как мир качественных реалий (качественного, а не абстрактного труда, ориентирование производства на потребности, а не на прибыль и т. д.) Во-вторых, Маркс, вслед за Гегелем, видел в истории процесс развития разума (духа), закономерную смену исторических формаций. Оба аспекта в мышлении Маркса были тесно связаны: протест против капиталистических абстракций включен Марксом как центральный момент в становление исторического разума. Цели человеческой деятельности включены в рационализированное движение истории, более того, становление всеобщего разума и является целью истории. Конечно, приходит на ум, что история, как процесс потенциально бесконечный, не имеет цели. Но у Гегеля и у молодого Маркса отдельно взятый цикл развития разума имеет цель и потому конец: совершив диалектический круг, разум приходит к сознанию самого себя, к гармонии индивидуального и всеобщего. У Маркса такой диалектический цикл направлен на создание коммунизма: труд (деятельный разум) создает общество, которое оказывается поначалу чуждым ему, но в результате общественных преобразований они гармонизируются и синтезируются. Это можно обозначить еще как синтез труда и разума. Впоследствии Маркс несколько изменил свою точку зрения, создав, по свидетельству Энгельса, проект подлинной науки истории, центром которой было учение о смене общественно-экономических формаций. Теперь конечная цель пролетарской борьбы оказывается продиктована наукой, она указывает на коммунизм как задачу пролетарского движения. В «Святом семействе» Маркс писал об этом следующее: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он сообразно этому своему *бытию* исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»⁹. В этом высказывании, выдержанном как будто в соответствии с марксистским принципом – общественное бытие определяет общественное сознание – настораживают слова о том, «*что такое пролетариат на самом деле*». Они предупреждают, что выявить принцип общественного

бытия пролетариев не так просто, во всяком случае цели его деятельности могут и не соответствовать задачам, которые возлагает на него его общественное бытие. Действительно, вся история рабочего движения, в ходе которой не раз происходили столкновения между стихийными интенциями пролетариев и той конечной целью, какой наделили их марксисты, а именно, устройением коммунистического общества, свидетельствует о несоответствии.

Бытие пролетариата оказывается у Маркса двойственным: с одной стороны, это конкретный класс со своими особыми интересами, с другой стороны, он носитель всеобщего интереса, облеченный миссией создателя истинного общества – коммунизма, в котором конечная цель исторического движения и истина достигнут тождества. В отличие от Вебера, он не признавал множественности целей человеческого действия и инструментального характера знания. У Маркса все цели как бы стянуты в единую цель-ценность – коммунизм, и эта ценность оказывается тождественна истине, охватывая собой всю сферу рациональных отношений. Конечная цель – не результат свободного выбора, она составляет как бы горизонт, границу истины, исторического знания и пребывает на его краях. В силу указанного тождества истина оказывается телеологичной, а цель – ориентированной на высшее историческое знание, взятое в его полноте. Оно не имеет эмпирического индуктивного характера, на чем настаивал Вебер, оно дедуцировано из самой конечной цели и служит единственно для обоснования ее. Такая концепция исторического движения драматично сказалась на судьбе европейского рабочего движения в XX в. Э.Бернштейн первый обратил внимание на то, что в марксизме фигурирует не реальный пролетариат, а его идеальный образ. Сам Бернштейн предпринял попытку раскрыть конкретные исторические черты пролетариата своего времени, то есть конца XIX – начала XX вв., его связь с существующим национальным государством, его заинтересованность в системе социальной защиты, его включенность в систему демократии. Реальный пролетариат, как доказывает Бернштейн, мог вполне удовлетвориться социальными реформами, задача же радикального преобразования общества была навязана ему коммунистами. Бернштейн, который констатировал расхождение между реальным пролетариатом и его идеализированным образом в марксизме, и был вестником раскола в рабочем движении. В противовес

претендовавшему на научность марксизму каутскианского типа, в котором акцент был сделан на экономической стороне марксизма, Бернштейн апеллировал к этике и праву. Он констатировал, что социализм, будучи выражением реального интереса пролетариев, содержит «частицу научно недоказуемого»¹⁰. Из реформистов этической направленности сложились позже парламентские социал-демократические партии, порвавшие в конечном счете с марксистской устремленностью к созданию альтернативного общества. Реформисты, естественно, уходят от фетиша конечной цели и ее отождествления с наукой.

Иной вариант отношения к единству цели и знания можно отметить у марксистских революционных групп начала XX в. Довольно долгое время на рубеже веков их идеологом выступал К.Каутский. Он придерживался тогда сциентистской трактовки марксизма, видя в нем науку об истории, о смене общественно-экономических формаций. В научном социализме нет места этике: «Наука выше этики; ее результаты столь же мало нравственны или безнравственны, как сама необходимость»¹¹. Что касается революционной цели, то она представляет собой вывод из научного исследования истории, касающийся определения тенденций меняющейся социальной действительности. Более того, объективные законы истории обуславливают и формирование класса пролетариев, который должен сыграть решающую роль в уничтожении существующего положения дел и реализации конечной цели (коммунизма). Между тем развитие рабочего движения свидетельствовало о значительных расхождениях между революционной целью и практическими интересами рабочих. Каутский видел эти расхождения и считал, что когда проявляется это противоречие, рабочие должны отказаться от своих интересов и переориентироваться на революционную цель. Он писал: «Цель и движение соединены в социал-демократии и неотделимы друг от друга. Если когда-либо цели и движения вступают в конфликт между собой, то должно уступить последнее. Другими словами: интересы социалистического развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социалистическому развитию»¹². В этом контексте наука диктует цель рабочего движения, точнее, она перестает быть инструментом, средством, каким она была, например, у Вебера, и сама становится целью.

Однако что значит реализовать истину истории и есть ли вообще эта истина, если история не заканчивается в обозримом будущем? Даже поверхностный взгляд на практические ориентации ортодоксальных марксистов в начале XX в. убеждает, что они шли чрезвычайно разными путями, в результате чего произошел глубокий раскол в их лагере. Каутский в разгар первой мировой войны занял пацифистские позиции и выдвигал задачу борьбы за демократизацию международных отношений. Ленин предрекал близость социалистической революции в Европе и в России. Он непоколебимо верил в марксистские прогнозы относительного будущего человечества и поэтому так смело бросил свою партию в вихрь революционных событий 1917 г. и был так жесток в отношении всех, кто казался ему противником революции, а это была и буржуазия, и крестьяне, и даже сами пролетарии. Вряд ли большевики смогли бы решиться на все акты насилия в отношении российского населения, если бы не их энтузиазм, вызванный верой в научный характер марксистского учения. Но вскоре они начали ощущать, что с марксистскими истинами не все обстоит гладко, Ленин опомнился к 1921 г., когда инициировал нэп. Сталин же пресек процесс такого осознания революционных реалий, поставив социалистическую оболочку советского государства на службу делу создания могущественной державы. Истина истории оказалась, таким образом, совсем не той, на которую рассчитывали марксисты.

Марксизм не был единственной формой социальной науки, стремившейся в XX в. организовать массу. Другой ее вариант представлен социологией Э.Дюркгейма. Наука Маркса дедуктивна и абсолютна. Наука Дюркгейма индуктивна и не претендует на абсолютную истину. Пафос научности – одна из наиболее характерных черт мировоззренческих систем индустриальной эпохи. У Дюркгейма этот пафос столь силен, что побуждает его стать в резкую оппозицию к практике и сформированным на ее основе понятиям, которые он, в отличие от научных, называет «предпонятиями». Ведь для практики могут быть пригодны и ложные знания, практика даже вредит науке, требуя от нее «не объяснений, а лекарств»¹³. Именно ориентация на практику «отличает алхимию от химии и астрономию от астрологии»¹⁴. Все возникшие в практике и для практики «предпонятия» Дюркгейм уподобляет «идолам» Ф.Бэкона и хочет изгнать их из социологии, так как они мешают

научному познанию действительности. Наука должна рассматривать социальные явления как «вещи», «факты», отделяя их от тех практических представлений, которые составили о них действующие субъекты.

Тут возникает вопрос: если практика чужда науке, то что значит наука для практики? Дюркгейм не говорит прямо, что наука может диктовать цели человеческого действия, он утверждает, что она может помочь практике, проводя различие «нормального» и «патологического», «здорового» и «болезненного» в социальных явлениях. Дюркгейм рассуждает об этом по аналогии с живыми организмами, у которых здоровым считается то, что наиболее характерно для особей данного вида. Он пишет: *«Социальный факт нормален для определенного социального типа, рассматриваемого в определенной фазе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, рассматриваемых в соответствующей фазе их развития.»*¹⁵ Отсюда напрашивается вывод, что в общественной деятельности надо стремиться не к беспочвенным идеалам, а к «нормальному» состоянию общества, представление о котором дает наука. Пример научного подхода к обществу, по Дюркгейму, демонстрирует проделанный им анализ таких болезненных социальных явлений, как преступление или самоубийство.

По поводу первых Дюркгейм доказывает, что преступление нормально, поскольку оно осуществляется людьми под влиянием индивидуальных условий жизни и поэтому может приходиться в противоречие с коллективными нормами. Оно даже полезно, ибо расшатывает коллективное сознание, а это необходимо для наступления перемен. Оно может свидетельствовать о характере грядущих перемен и часто оказывается «провозвестником будущей нравственности, продвижением к будущему»¹⁶. Такие рассуждения если и могут помочь юридической практике, то очень косвенно, отсылая исследователя к сопоставлению количества тех или иных преступлений в разных, но близких по типу обществах и к установлению причин наблюдаемой разницы. В данном случае научная социология не диктует практике никаких масштабных целей.

Несколько иначе обстоит дело с исследованиями, которые Дюркгейм посвятил сравнительному анализу самоубийств в примитивных и в современных обществах. Дюркгейм не ограничи-